

ВЛАДИМИР БАРТЕНЕВ

КОНЦЕПЦИЯ «ГОСУДАРСТВ-ИЗГОВЕВ» ВО ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКЕ США

Конфликтное взаимодействие всегда было важнейшим элементом системы международных отношений. На протяжении столетий субъектами конфликтного взаимодействия выступали государства, стоявшие на одной ступени международно-правовой иерархии, а наиболее влиятельные из них еще и обладали сопоставимым экономическим и военным потенциалом. Данная симметрия представлялась неотъемлемым свойством международной реальности и служила фундаментом теоретических построений.

После окончания «холодной войны» вопрос о том, какую форму может обрести конфликт в условиях безоговорочной победы США и отсутствия противников, способных бросить им реальный вызов, привел специалистов в легкое замешательство. Одни поспешили дать радикально-оптимистический ответ, провозгласив наступление «конца истории» и «эры мира и гармонии», другие стали терпеливо ждать, пока единственная сверхдержава сама определит нового врага.

Этим врагом стали страны, объединяемые термином «государства-изгои» (rogue states): Иран, Ирак, Северная Корея, Ливия, Куба, Судан – чей совокупный потенциал в десятки раз уступал потенциалу США. В результате впервые в истории «центрально-силовой» конфликт приобрел ярко выраженный асимметричный характер. Настойчивое желание мно-

гих «изгоев» завладеть оружием массового уничтожения (ОМУ) и средствами его доставки содержало намеки на возможность снижения уровня «асимметрии». Долгое время данный сценарий рассматривался в чисто гипотетическом ключе, но события последних лет – испытание Северной Кореей ядерного устройства (2006) и создание Ираном технической базы для обогащения урана – поколебали «асимметричное равновесие».

За пределами США концепция «изгоев» воспринимается неоднозначно. За исключением Британии, Канады и Украины, все американские союзники отказались использовать данную категорию при формулировании своей внешнеполитической стратегии. Не приняла ее и Россия, вступившая в полемику с Вашингтоном по проблеме обосновываемого в рамках концепции «изгоев» развертывания системы ПРО¹.

Тем не менее Белый дом продолжает пользоваться термином «государство-изгой». Какую функцию во внешней политике США выполняет данное понятие, и насколько крепка подпиральная его теоретическая база? Цель статьи – в попытке ответить на эти вопросы.

¹ Истоки концепции «государств-изгоев» восходят к администрации Дж. Картера (1977–1980), когда в 1979 г. впервые

был составлен и обнародован список «государств-спонсоров терроризма». На них распространялось действие Закона о контроле над экспортом. Фигурантами «черного списка», с тех пор ежегодно обновляемого госдепартаментом, стали Ливия, Сирия, Южный Йемен и Ирак².

С приходом к власти Р. Рейгана, сделавшего борьбу с терроризмом одним из приоритетов внешней политики США, произошло ужесточение риторики в отношении «государств-спонсоров», частью которой стали выражения «пария», «изгой», «преступный режим»³. Осознавая общественную остроту проблемы терроризма после кризиса с захватом заложников в Иране, республиканцы были вынуждены подкрепить риторику конкретными действиями⁴. Полигоном для апробации новой политики стала Ливия, конфронтация с которой, по оценкам Белого дома, подразумевала наименьшие риски⁵. С первого же дня нахождения у власти администрация Р. Рейгана подвергла режим М. Каддафи разноплановому давлению, разорвав дипломатические отношения, наложив экономические санкции и устраивая регулярные демонстрации силы.

Кульминацией противостояния стала бомбардировка объектов «террористической инфраструктуры» в Триполи и Бенгази 15 апреля 1986 года — акт возмездия за участие Ливии в организации взрыва на дискотеке «La Belle» в Берлине. Анализ рассекреченных документов американских архивов говорит о том, что главной целью операции было не устрашение режима М. Каддафи, а провоцирование государственного переворота⁶. Параллельно США стремились продемонстрировать другим «спонсорам терроризма» — Сирии и Ирану, чем грозит продолжение «преступной» политики. Операция «Каньон Эльдorado», ставшая апогеем «первой войны с терроризмом»⁷, явилась реальным свидетельством оформления стратегии в отношении будущих «изгоев». Поскольку ее узловым элементом стала идея «смены режимов», «Каньон Эльдorado» можно по праву считать предшественни-

цей операции «Свобода Ираку» и констатировать наличие преемственности в эволюции взглядов американских неоконсерваторов на внешнюю политику⁸.

Очередной импульс развитию концепции «изгоев» был придан в 1989 году. США рассматривали окончание «холодной войны» исключительно как собственную победу в биполярном противостоянии. Когда СССР был уже на грани распада, американские конгрессмены стали активно пропагандировать идею «мирных дивидендов» (peace dividend) — резкого сокращения военных расходов в связи с наступлением «эпохи мира». В ответ Пентагон приступил к разработке стратегии, которая позволила бы обосновать поддержание расходов на оборону на уровне «холодной войны» до появления новой глобальной угрозы. 15 ноября 1989 г. председатель объединенного комитета начальников штабов К. Пауэлл представил Дж.Бушу-ст. ее проект. В условиях ослабления «советской угрозы» внимание США предлагалось переключить на сдерживание региональных угроз. Военная мощь Америка должна была быть достаточной, чтобы участвовать одновременно в двух крупных региональных конфликтах и одержать в них победу⁹.

Данная точка зрения возобладала после вторжения иракских войск в Кувейт 1 августа 1990 года. Спустя всего несколько часов после акта агрессии Дж.Буш-ст. произнес речь, предопределившую развитие американской внешнеполитической доктрины на годы вперед: «Состояние международной среды изменилось. Угроза советского вторжения в Западную Европу сейчас меньше, чем когда-либо в послевоенный период... Однако угрозы остаются...Терроризм, захват заложников, «государства-изгой» (в тексте «genegade regimes» — В.Б.), непредсказуемые диктаторы, — перед их лицом Америка должна продемонстрировать силу...»¹⁰

Высказанные в речи идеи позволяли «переформатировать» дальнейшую миссию США как глобальной державы, *заполнить образовавшийся «вакуум угрозы».*

Команда следующего президента – У.Клинтон – придала этой миссии более четкое обоснование.

≡

В сентябре 1993 г. советник президента по национальной безопасности А. Лэйк впервые обозначил группу «мракобесных государств» (backlash states), находившихся за пределами «круга демократии» и представляющих угрозу государствам, находившимся внутри него. Их отличительными чертами были: авторитарная природа правящих режимов, систематическое нарушение прав человека, агрессивная, противоречившая международно-правовым нормам внешняя политика, выражавшаяся в применении или угрозе применения силы, спонсировании терроризма и попытках завладеть ОМУ. Выдвигалась задача сдерживать эти страны с применением дипломатических, экономических и, в случае наличия прямой угрозы жизненно важным интересам США, силовых методов¹¹.

Вскоре эта же мысль, претерпев некоторые терминологические метаморфозы (слово «backlash» было заменено на «rogue»), зазвучала в выступлении У. Клинтон¹². Замена была произведена сознательно. С одной стороны, слово «rogue» имело более сильный негативный оттенок, с другой – было более броским и, следовательно, более легким для усвоения американской аудиторией, продемонстрировавшей восприимчивость к подобным метафорам. Наконец, помимо своего первоначального значения – «разбойник» – слово «rogue» в связке «rogue states» имело и дополнительный смысл, придаваемый ему наличием устойчивого сочетания «rogue elephant», которое означает «буйный слон, отбившийся от стада»¹³. Это позволило объединить характеристики «ragiah» и «outlaw state»: речь теперь шла о странах, которые встали на путь проведения «разбойничьей» политики и тем самым «отбились от стада», изолировали себя от мирового сообщества¹⁴. В категорию «из-

гоев» были зачислены все фигуранты последней версии «черного списка», за исключением Сирии: Иран, Ирак, Ливия, Северная Корея, Куба и Судан¹⁵.

В короткие сроки термин превратился в центральный элемент американского внешнеполитического курса. В своих попытках найти завершленную концептуальную модель постбиполярного мира, США закрепили за «изгоями» роль самостоятельного класса субъектов международной системы, наряду с развитыми индустриальными странами, развивающимися демократиями и «неудавшимися государствами»¹⁶.

Важнейшей вехой в становлении концепции стала публикация в 1998 г. отчета Комиссии по оценке угрозы ракетного нападения на США¹⁷. В нем утверждалось, что данная угроза является куда более серьезной, чем считалось ранее. Наибольшую обеспокоенность в этой связи вызывали Северная Корея, Ирак и Иран. Произведенный вскоре Пхеньяном тестовый запуск ракеты «Taepodong-1» подтвердил правильность выводов комиссии и заставил У. Клинтон подписать закон о развертывании системы противоракетной обороны. С этого момента существование «изгоев» стало называться Белым домом главной причиной выхода из договора по ПРО 1972 года (2002).

Однако в 2000 г. администрация У. Клинтон предпочла заменить уничижительный термин «государство-изгой» на более нейтральный «state of concern» – «государство, вызывающее озабоченность»¹⁸. Решение носило политический характер и было нацелено на поддержание положительной динамики, наметившейся в отношениях со многими «изгоями»¹⁹. Суть доктрины при этом не менялась, о чем свидетельствует заявление, сделанное министром обороны У. Коэном 13 июля 2000 года: «Наша цель состоит в обеспечении защиты американских граждан от действий безответственных стран – не важно, как их называть – «государства-изгой», «бывшие изгой» или «государства, вызывающие озабочен-

ность»²⁰. Концепция «изгоев» была уже настолько прочно интегрирована в американское внешнеполитическое мышление, что о его радикальном переосмыслении никто не задумывался.

Для большинства экспертов решение об отказе от термина «изгой» было естественной реакцией Белого дома на определенное потепление международного климата²¹. Никто не верил, что термин «states of concern» приживется.

Сосредоточившись сначала на проблеме «неудавшихся государств» и добившись смены режима в Афганистане, Дж. Буш-мл. вскоре произвел ожидаемую обратную замену. Термин «государства-изгой» не только был реанимирован, но и обрел новый статус, войдя в текст стратегии национальной безопасности США. Факт существования «изгоев» был объявлен главной угрозой международной безопасности, а ее нейтрализация — стратегическим приоритетом²².

Список отличительных черт «изгоев» пополнился еще одной характеристикой — «ненавистью к США». Это уязвимое для критики уточнение было сделано в целях дополнительной мобилизации общественного мнения, «подпитки» патриотических настроений. Этим же можно объяснить и введение еще более одиозного термина «ось зла»²³, соединившего метафорические описания двух главных врагов США в XX веке — фашизма (государства «Оси») и коммунизма («империя зла»). Первоначально в «ось зла» были занесены Иран, Ирак и Северная Корея, но уже 6 мая 2002 г. заместитель госсекретаря Дж. Болтон объявил о включении в нее Ливии, Сирии и Кубы, благодаря чему термины «ось зла» и «государства-изгой» стали фактически взаимозаменяемыми²⁴.

Дж. Буш-мл. и его команда не ограничились реанимацией концепции «изгоев», предложив принципиально иную стратегию борьбы с исходящей от этих стран угрозой — доктрину «упреждающих ударов», полигоном для испытания которой был выбран Ирак. Вторжение в Ирак, как и операция «Каньон Эльдorado», было

призвано преподать урок другим «изгоям», побудить их к сотрудничеству.

Вскоре у Белого дома появился прекрасный повод громогласно заявить об эффективности новой стратегии. В преддверии войны в Ираке режим М. Каддафи пообещал выплатить компенсацию семьям погибших в «трагедии Локкерби» и признать свою ответственность за данный теракт, а после поимки С. Хусейна — объявил о свертывании программ разработки ОМУ. В результате Ливию исключили из «черного списка», а американо-ливийские дипломатические отношения, разорванные еще в 1981 году, были восстановлены. Темпы нормализации диалога с государством, четверть века воплощавшего архетип «изгоя», должны были продемонстрировать готовность США к принятию «взбесившегося слона» обратно в «стадо». Концепция сразу же обогатилась понятием «ливийская модель», описывающей алгоритм добровольного отказа «изгоя» от поддержки терроризма и попыток завладеть ОМУ.

Между тем другие «изгой» не спешили следовать примеру Ливии. Иран в 2005 г. возобновил обогащение урана, а приход к власти М. Ахмадинежада в 2005 г. вовсе похоронил надежды на решение иранской проблемы «малой кровью». Ужесточение риторики в отношении США и Израиля, интенсификация поддержки движений «Хамас» и «Хизбалла» и иракских шиитов до предела накалили отношения между Вашингтоном и Тегераном и заставили Белый дом активизировать процесс подготовки военной операции.

Долгое время неблагоприятно развивалась и ситуация вокруг Северной Кореи. Выход Пхеньяна из шестисторонних переговоров, нарушение моратория на запуск баллистических ракет и испытание ядерного устройства кардинально изменили всю систему безопасности в АТР. Прорыв на данном направлении произошел лишь в июне 2008 года, когда Пхеньян передал ядерное досье Китаю и произвел взрыв башни охлаждения атомного реактора в Йонбоне. В ответ Белый дом тут же объя-

вил о снятии торговых санкций с Северной Кореи и ее исключении из «черного списка» по истечении 45-дневного срока²⁵. Поскольку важнейшей частью проблемы является верификация содержащихся в досье данных, Пхеньян может в очередной раз дать задний ход²⁶.

З

Термин «государство-изгой» не закреплен ни в одном международно-правовом документе, что делает его малопригодным аналитически. Наиболее общее определение, предложенное А. Лэйком — «государства, нарушающие нормы международного права» — также не имеет познавательной ценности, поскольку в данную категорию могут быть зачислены все страны международного сообщества, с разной степенью регулярности и по разным поводам нарушающие положения Устава ООН и других международно-правовых документов²⁷.

Оценить правомерность выделения «изгоев» в отдельную группу субъектов международной системы можно лишь с помощью оценки степени соответствия критериям самого А. Лэйка. Проведение подобного «теста на соответствие» позволяет выявить два основных противоречия. С одной стороны, для попадания в список «изгоев» государство совсем не обязательно должно отвечать обозначенным критериям. Наиболее ярким примером может служить Куба, которая не участвует в разработке ОМУ и спонсировании терроризма и не угрожает своим соседям применением силы. Ее «изгоизация» объясняется стремлением «отработать» голоса многочисленных кубинских иммигрантов-«антикастристов», проживающих в США, и нежеланием Гаваны признавать американскую концепцию мирового порядка.

С другой стороны, далеко не все страны, по формальным признакам подходящие под определение «государство-изгой», были причислены руководством США к таковым. Долгое время примером в этом отношении служила Сирия, которая осуществляла программы разработки

ОМУ, с 1979 г. неизменно становилась фигурантом «черного списка» и, наконец, вплоть до 2005 г. оккупировала часть Ливана, играя заметную дестабилизирующую роль в регионе. Нежелание администрации У. Клинтона причислить Сирию к «изгоем», а также систематическое проведение политики умиротворения в отношении Дамаска было обусловлено важностью этой страны в деле урегулирования ближневосточного конфликта. Данное противоречие было устранено лишь в 2002 году, когда Сирия была включена в «ось зла».

Не менее интересен случай Пакистана. Получение этой страной ядерного оружия и создание «сети Хана», организовавшей нелегальную продажу ядерных технологий «изгоем» Ирану и Ливии, представляло большую угрозу международной безопасности и безопасности самих США, чем факт существования режима Ф. Кастро²⁸. Отсутствие санкций и переводение Пакистана на положение важнейшего союзника США вне рамок НАТО указывает на то, что концепция «изгоев» насквозь пропитана идеологией двойных стандартов²⁹.

Связь понятия «государство-изгой» с объективной реальностью можно обнаружить, лишь убедив себя в том, что государства, которые *одновременно* являются авторитарными режимами, нарушают права человека, спонсируют терроризм и стремятся завладеть ОМУ, формально отличаются от остальных субъектов международной системы. Если составить список стран, которые на определенных этапах своей истории отвечали всем этим критериям, то в него войдут Ирак, Иран, Сирия, Северная Корея и Ливия. В этой связи можно констатировать, что США, какова бы ни была их мотивация, раньше других осознали «инаковость» этих стран и отразили в рамках концепта «изгоев» все основные компоненты их «девиантного» поведения. Нельзя не признать и то, что некоторые «изгой» — Ирак, Иран, Ливия — действительно вели себя более агрессивно и «девиантно», чем, например,

Бразилия или ЮАР, также стремившихся в свое время получить доступ к ОМУ³⁰.

Однако подобное «оправдание» смысловой конструкции «государство-изгой» аналитически некорректно. Политика Ирана или Ливии выглядит не такой уж «преступной» на фоне противоправных действий самих США — применения ядерного оружия, организации покушений на неудобных политиков, вторжения в Ирак под ложным предлогом борьбы с угрозой распространения ОМУ, нарушения положений Женевской конвенции о военнопленных³¹ и т.д. Возможно, считать позицию известного американского публициста Н. Чомски о том, что США сами являются «государством-изгоем»³², и неправильно, но нельзя не признать, что рациональное зерно в ней есть.

* * *

Появление концепции «государств-изгоев» было реакцией американского руководства на необратимые изменения международной среды, начавшиеся в 1980-х годах и ставшие реальностью в 1989 году. Борьба с будущими «изгоями», хоть и не могла быть главным стратегическим приоритетом в условиях «холодной войны», приобретала все большее значение по мере ослабления главного противника — «империи зла». При администрации Р. Рейгана уже происходил поиск «врага на перспективу», и поэтому проблема заполнения «вакуума угрозы» после падения Берлинской стены была решена Пентагоном в кратчайшие сроки.

Заявив о победе в «холодной войне», США приобрели огромный кредит доверия как спаситель мира от «коммунистического зла», но для закрепления цивилизаторской миссии Америки борьба с новым противником также должна была носить не только стратегический, но и идеологический характер. Вот почему в концепции «изгоев» и в выборе самого термина для обозначения нового врага США сделали особый упор на ценностный аспект противостояния «преступным государствам». После введения тер-

мина «ось зла» еще более яркое проявление в американской внешнеполитической идеологии приобрел мессианизм, столь свойственный американской политической культуре.

Занимаясь созданием «образа врага» и обоснованием «охранительной» миссии США в рамках нового миропорядка, Белый дом не утруждал себя выстраиванием стройной концепции. Она с самого начала была полна видимых противоречий, не позволивших термину «государство-изгой» стать научной категорией. Однако при всей своей субъективности концепт «изгоев» объективно воздействует на систему международной безопасности.

Суммарный уровень угрозы, ликвидацию которой Белый дом до сих пор называет главным стратегическим приоритетом, заметно снизился. Хотя оправданность провозглашения «крестового похода» против «изгоев» с самого начала порождала массу сомнений, список «клуба врагов» выглядел довольно внушительно. Теперь же, после смены режима в Ираке, добровольной «капитуляции» Ливии и передачи Северной Кореей ядерного досье Китаю столь угрожающего впечатления он уже не производит. Это снижает ценность доктрины «изгоев» как обоснования и создает определенные предпосылки к поиску новой угрозы.

В то же время следует признать, что активность, с которой будет вестись этот поиск, вряд ли будет высокой. Размещение системы ПРО преследует куда более масштабные цели, чем противостояние «государствам-изгоям», используемое лишь как формальное прикрытие для сдерживания главных стратегических противников США — России и Китая. Степень обеспокоенности американского руководства снижением суммарного уровня угрозы также не стоит преувеличивать. Концепция «изгоев» пережила уже не одно десятилетие обвинений в преувеличении масштабов реальной угрозы, так что вряд ли от нее откажутся по этой причине. «Вакуум угрозы» пока не сложился, но если принять во внимание

логику развития внешнеполитической доктрины США с 1945 года, можно не сомневаться: американские стратеги держат наготове массу «запасных» вариантов и поиски нового врага не будут долгими.

Примечания

¹ Если в 1990-х годах Кремль предпочитал замалчивать свою позицию по данному вопросу, то с приходом к власти В.В. Путина российские официальные лица стали выражать свое несогласие вполне открыто: «Мы не сторонники термина “государства-изгои”. Мы против того, чтобы говорить об “оси зла”. Мы предпочитаем говорить о дуге напряженности, которая возникла от Филиппин до Косова... Конечно, проблема международного терроризма существует, но это не значит, что надо клеить произвольно ярлыки» // Пресс-конференция министра обороны С.Иванова, 12 февраля 2002 г. (<http://news.ng.ru/2002/02/12/1013510694.html>)

² «Черный список» с 1979 г. составляется под наблюдением госсекретаря США и публикуется ежегодно в своде федеральных законов (Code of Federal Regulations) и в отчетах «Patterns of Global Terrorism». К моменту появления концепции «государств-изгоев» в 1993 г. его фигурантами были семь стран: Ливия (с 1979 г.), Сирия (с 1979 г.), Ирак (впервые включен в 1979 г., затем исключен в 1982 г. и снова включен в 1990 г.), Иран (с 1984 г.), Куба (с 1982 г.), Северная Корея (с 1988 г.), Судан (с 1993 г.).

³ В 1985 г. Р.Рейган впервые публично назвал Ливию, Иран, Кубу, Северную Корею и Никарагуа «преступными государствами, поддерживающими терроризм в отношении американской нации» / Ronald Reagan, Remarks at the Annual Convention of the American Bar Association. July 8th, 1985 // Public Papers of the Presidents: Ronald Reagan, 1985. Washington, DC: GPO, 1986. P. 879.

⁴ Проблема борьбы с «террористической угрозой» имела и ярко выраженный внутривнутриполитический аспект: от успеха администрации на этом направлении в значительной степени зависела степень доверия американского электората к президенту, поскольку, как писал один из политических советников Дж. Картера Т. Уайт, «шансы президента на переизбрание окончательно были похоронены в иранской пустыне, рядом с 8 доблестными солдатами, которые отдали свои жизни во имя освобождения заложников» (*White Theodore H. America in Search of Itself: The Making of the President (1956–1980)*. New York: Harper and Row, 1982. P.21.

⁵ *Gates Robert M. From the Shadows: The Ultimate Insider's Story of Five Presidents and How They Won the Cold War*. Simon & Schuster 1997. P. 351.

⁶ Речь идет о реализации так называемого «смелого» подхода к «ливийской проблеме», который был впервые предложен руководителем военно-политического департамента Совета национальной безопасности Д. Фортьером и прикрепленным к СНБ сотрудником ЦРУ В. Каннистаро в феврале 1985 г. и который в итоге получил поддержку большинства членов команды Р. Рейгана, включая и самого президента: *Donald R. Fortier, Vincent Cannistaro. The Gadhafi Problem. Memorandum for Robert C. Macfarlane, February 4, 1985* // Ronald Reagan Presidential Library, Fortier, Donald: Files, Box 90754. Libya: Jan–June 1985 (1/4)

⁷ Термин «первая война с терроризмом» был впервые предложен американским исследователем Д. Уиллсом, опубликовавшим несколько лет назад крупное монографическое исследование с одноименным названием: *Wills David C. The First War on Terrorism: Counter-terrorism Policy during the Reagan Administration*. Lanham, Md.: Rowman & Littlefield Pub., 2003.

⁸ Подробнее о параллелях между двумя операциями см.: *Winkler Carol. Parallels in Preemptive War Rhetoric: Reagan on Libya, Bush 43 on Iraq*. // *Rhetoric & Public Affairs* 10.2 (2007). P. 303–334.

⁹ Подробнее об этом см.: *Klare M. The Rise and Fall of the «Rogue Doctrine»: the Pentagon's Quest for a New Military Strategy* // Middle East Report. No 208. U.S. Foreign Policy in the Middle East: Critical Assessments (Autumn 1998). P. 12–15

¹⁰ *Bush G. Speech at Aspen. Public Papers of the Presidents of the United States. George Bush, 1990. 2. Washington, D.C.: G.P.O., 1991. P. 1089–1094.*

¹¹ Remarks of Anthony Lake, Assistant to the President for National Security Affairs. «From Containment to Enlargement». Johns Hopkins University School of Advanced International Studies Washington, D.C.. September 21, 1993 (<http://www.mtholyoke.edu/acad/intrel/lake-doc.html>) Спустя некоторое время в более развернутой форме А.Лэйк представил эту концепцию в ставшей хрестоматийной статье «Противостояние «реакционным государствам»: А. Lake. *Confronting Backlash. States*. // *Foreign Affairs*. 73. 2 (1994). P. 45–55.

¹² Выступая 9 января 1994 г. перед будущими лидерами Европы в Брюсселе, американский президент впервые упомянул о растущей угрозе со стороны «государств-изгоев» («rogue states»), в числе которых назвал Иран и Ливию. B. Clinton, Remarks to Future Leaders of Europe in

Brussels, January 9th, 1994, (<http://www.presidency.ucsb.edu/ws/index.php?pid=49643&st=rogue+states&st1>).

¹³ Данное словосочетание было введено в английский язык ирландским политиком и путешественником сэром Д.Е. Теннентом и является калькой с языка синхала. В метафорическом смысле в применении к политической сфере его впервые употребил в 1975 г. сенатор-республиканец Ф.Черч, возглавлявший комиссию по расследованию незаконной деятельности ЦРУ и назвавший американское разведведомство «взбесившимся слоном, полностью вышедшим из-под контроля». (Цит. по: Mooney Chris, Back to church. Frank Church investigates intelligence service. //The American Prospect, November 2001).

О взаимосвязи выражений «rogue state» и «rogue elephant» лучше всего говорит тот факт, что последнее неоднократно употреблялось членами команды Р.Рейгана в отношении тех стран, которые впоследствии попадут в категорию «rogue states». См. например: Libya, Memorandum by A.Haig to the President, 25 March. 1981 // Ronald Reagan Presidential Library, Box # 90754, Donald Fortier Files. Libya 1981–84 (1/6). P.2.

¹⁴ В этом смысле, как нам представляется, утвердившийся в русском языке перевод «rogue state» как «государство-изгой» лучше передает смысл английского оригинала, чем соответствующие аналоги в других языках, например, «états-voyouis» во французском.

¹⁵ Наиболее часто термин «государство-изгой» употреблялся в отношении Ирана (доля в общем количестве употреблений термина – 29 %), Ирака (28%) и Ливии (19 %). См. таблицу частоты употребления термина «государства-изгой» в американском внешнеполитическом дискурсе в период с мая 1993 по декабрь 1998 г. в: Hoyt P.D. The «Rogue State» Image in American Foreign Policy // Global Society, Vol. 14, No. 2, 2000. P. 301

¹⁶ *Madeleine K. Albright*. Remarks at University of South Carolina, 19 February 1998 (<http://secretary.state.gov/www/statements/1998/980219c.html>).

¹⁷ Executive Summary of the Report of the Commission to Assess the Ballistic Missile Threat to the United States. July 15, 1998 (<http://www.fas.org/irp/threat/bm-threat.htm>).

¹⁸ Общественность узнала о данном решении 19 июня 2000 г. из выступления М.Олбрайт в эфире радиостанции American University Radio. Secretary of State Madeleine K. Albright, Interview on The Diane Rehm Show -- WAMU-FM. Washington, DC, June 19, 2000 (<http://secretary.state.gov/www/statements/2000/000619.html>).

¹⁹ В 2000 г. режим М. Каддафи согласился выдать двух подозреваемых в организации взрыва самолета Pan Am 103 в небе над деревней Локкерби 28 декабря 1989 г., Северная Корея не стала проводить пробный запуск баллистических ракет и инициировала проведение саммита с Южной Кореей, а в Иране на февральских парламентских выборах победу одержала партия реформаторов.

²⁰ Press Conference of Secretary of Defense William Cohen, 13 July 2000, Beijing China (<http://www.defenselink.mil/transcripts/transcript.aspx?transcriptid=1519>).

²¹ См., например: Dealing of States Formerly Known as Rogues. Transcript of Briefing at Brookings Institution. (<http://www.brookings.edu/events/2001/0713diplomacy.aspx>).

²² *G. Bush*. Prevent Our Enemies from Threatening Us, Our Allies, and Our Friends with Weapons of Mass Destruction. West Point, New York, June 1, 2002 (<http://www.whitehouse.gov/nsc/nss5.html>).

²³ Впервые термин «ось зла» был употреблен в обращении президента к Конгрессу 29 января 2002 г. : George Bush, State of the Union Address 2002 (<http://www.whitehouse.gov/news/releases/2002/01/20020129-11.html>).

²⁴ *John R. Bolton*. Under Secretary for Arms Control and International Security. Beyond the Axis of Evil: Additional Threats from Weapons of Mass Destruction. Remarks to the Heritage Foundation Washington, DC May 6, 2002 (<http://www.state.gov/t/us/rm/9962.htm>).

²⁵ <http://www.whitehouse.gov/news/releases/2008/06/20080626-9.html>

²⁶ Подобный скептицизм свойствен значительной части политологов по обе стороны Атлантики. Не разделяют энтузиазма администрации Дж.Буша-младшего и некоторые ее бывшие представители, и в частности, Дж. Болтон, склонный называть стратегию Пхеньяна «маскировкой». См.: *John R. Bolton*. The Tragic End of Bush's North Korea Policy. Wall Street Journal. 30 June 2008. P.A13 (<http://online.wsj.com/article/SB121478274355214441.html>).

²⁷ Известный французский философ-постмодернист Жак Деррида сформулировал эту мысль следующим образом: «Там где появляется суверенность, появляются злоупотребление властью и государства-изгой... Значит, кроме них, не существует никаких других государств». (*Derrida J. Y-a-t-il des états-voyouis?* // Le Monde Diplomatique, Janvier 2003. Page 10.)

²⁸ Подробнее о так называемом «деле Хана» см.: *Фененко А.В.* Теория и практика контрраспространения во внешнеполитической стратегии США. М.: Издательство ЛКИ, 2007. С. 159–167.

²⁹ Особенно характерно в этой связи заявление, сделанное М. Олбрайт на встрече министров иностранных дел стран-постоянных членов Совета Безопасности ООН в июне 1998 г.: «Мы не хотим изолировать Индию и Пакистан или делать из них «изгоев». (*Madeleine K. Albright, Statement at the P-5 Foreign ministers meeting on South Asia, 4 June 1998.* (<http://secretary.state.gov/www/statements/1998/980604a>).

³⁰ Это подтверждается и результатами исследования П.Ф. Трамбора и М. Каприоли, которые с использованием методов статистической корреляции доказали, что Ирак и Ливия – два государства, которые наиболее часто прибегали к агрессивным действиям, развязывали конфликты и т.д. *Caprioli M., Trumbore Peter F.* Examining

the Crisis Behavior of Rogue States, 1980–2003. (Draft Paper for Presentation at the 48th Annual Convention of the International Studies Association, Chicago, Illinois February 28–March 3, 2007).

³¹ Речь идет о пытках заключенных в тюрьме на базе Гуантанамо.

³² *Chomsky N.* Rogue states // *Z_magazine*, April, 1998 (<http://www.zmag.org/chomsky/articles/z9804-rogue.html>); *Rogue states: The role of force in world affairs.* South End Press, 2001; *Herman E.S.* Global Rogue State // *_Z_magazine*, February, 1998 (<http://www.zmag.org/zmag/articles/feb98herman.htm>); *Blum W.* *Rogue State: A Guide to the World's Only Superpower*, Common Courage Press, 2000.